

Юрий Викторович Грицков

Сибирский федеральный университет, доктор философских наук, профессор,
профессор кафедры философии, Красноярск, Россия
e-mail: grickov50@mail.ru

Денис Владимирович Львов

Сибирский федеральный университет, кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры социологии, Красноярск, Россия
e-mail: devlal86@gmail.com

Архетипические детерминанты социокультурной самоидентификации индивида

Аннотация. Феномен социокультурной самоидентификации индивида рассматривается в дискурсе концепции коллективного бессознательного. Исследуется взаимосвязь архетипических идентификационных программ я-самости и мы-самости. Показано, что существование феномена двойных стандартов обусловлено работой архетипа корпоративности. Выявлен противоречивый характер социокультурной самоидентификации в глобализирующемся мире.

Ключевые слова: архетип корпоративности, социокультурная идентичность, я-самость, мы-самость, социальные инстинкты, двойные стандарты.

Yuri V. Gritskov

Siberian Federal University, Doctor of Philosophical Sciences, Professor,
Professor of the Department of Philosophy, Krasnoyarsk, Russia
e-mail: grickov50@mail.ru

Denis V. Lvov

Siberian Federal University, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Sociology, Krasnoyarsk, Russia
e-mail: devlal86@gmail.com

Archetypal Determinants of an Individual's Sociocultural Self-Identification

Abstract. The phenomenon of sociocultural self-identification of an individual is considered in the discourse of the concept of the collective unconscious. The relationship between the archetypal identification programs of the I-self and the we-self is investigated. It is shown that the existence of the phenomenon of double standards is due to the work of the archetype of corporatism. The contradictory nature of socio-cultural self-identification in the globalizing world is revealed.

Keywords: archetype of corporatism, sociocultural identity, I-self, we-self, social instincts, double standards.

Введение (Introduction)

Наличие у входящих в социальную общность индивидов экзистенциального чувства единства с ней — необходимое условие сохранения и стабильного развития этой общности. Однако после распада СССР российское общество столкнулось с проблемой социокультурной деидентификации: вследствие разрушения традиционных и несформированности новых ценностей и смыслов у значительной части населения ослабло чувство единства со своим народом и культурой, понизился иммунитет к внешним идеологическим интервенциям, сложились предпосылки для «духовной эмиграции». В данной ситуации актуализируется потребность в исследовании логики идентификационных процес-

сов, в разработке эффективных технологий формирования и укрепления чувства социокультурной идентичности.

Цель настоящего сообщения — концептуализация феномена социокультурной самоидентификации как необходимого условия устойчивого развития любой социальной общности в дискурсе теории архетипов К. Г. Юнга [1].

Методы (Methods)

Авторы исходят из того, что в экзистенциальном переживании единства с социальной общностью основополагающую роль играет архетипическая программа Самости, конституирующая экзистенциальное восприятие феноменов социальной реальности индивидом (в том числе

и самого себя). Архетипические программы выполняют роль «социальных инстинктов», они обуславливают поведенческие реакции индивидов в типичных ситуациях посредством выстраивания по лекалам коллективного бессознательного экзистенциальных образов этих ситуаций [2].

Результаты и обсуждение (Results and Discussions)

Как отметил В. Франкл, фундаментальным свойством человека является то, что можно назвать «самотрансценденцией человеческого существования» [3, с. 16]. Под этим подразумевается ориентированность человеческого бытия вовне, на не являющееся им самим нечто, в котором «Я» стремится обрести смысл для осуществления самого себя. Острое переживание человеком своего бытия посередине разрыва на внутреннее и внешнее можно обозначить как «Я-бытие» внутри «Не-Я-бытия». В дискурсе концепции коллективного бессознательного такое положение дел обусловлено работой архетипа Самости, конституирующего экзистенциальный самообраз человека как выделенного окружающего мира и противопоставленного этому миру «Я» («я-самость»).

В конституируемом архетипом Самости процессе самоидентификации человек одновременно выступает и субъектом, и объектом собственного бытия. Обнаружив себя выделенным из мира (как объект) и противопоставленным этому миру (как субъект), «Я» человека неизбежно задается «вечными философскими вопросами»: что есть мир вне меня? а сам я кто, откуда и зачем? в чем смысл именно здесь моего присутствия и как мне следует взаимодействовать с этим миром и, прежде всего, с другими «Я»? Естественный лимит «жизненных ресурсов» обуславливает стремление «Я» увеличить эти ресурсы за счет соединения с другими «Я». Экзистенциальное переживание индивидом идентичности с более крупной и мощной социальной общностью (восприятие себя как неотъемлемой части этой общности, чувство неразрывного единства с ней), во-первых, придает его бытию дополнительную ценность, наделяя всё происходящее с ним более масштабными смыслами; во-вторых, обеспечивает чувство большей защищенности от постоянно грозящего небытия.

Итак, обусловленное архетипической программой Самости стремление к «расширению» индивидуального «я-бытия» до коллективного «мы-бытия» (посредством экзистенциального единения я-самости с другими я-самостями) — важный фактор любого долгосрочного объединения людей. Обозначенная ситуация — фундамент для становления круга «выделенных из мира своих», члены которого воспринимают друг друга такими-же-как-я-самостями, выступающими неотъемлемыми частями целого — мы-самости, в которой вырабатывается более или менее единая система ценностей, фундирующая смысл существования данной общности, а также основные принципы как внутреннего взаимодействия ее членов, так и их отношения с внешними контрагентами. Каждая мы-самость оказывается уникальной в силу неизбежной уникальности набора входящих в нее индивидуальных я-самостей.

Заметим, что экзистенциальное переживание социокультурной идентичности, уходящее корнями в бессознательное,

нуждается в рациональной «достройке» — концептуальном обосновании преимуществ «своей» мы-самости перед другими. При этом возникает необходимость в «легитимизации» двойных стандартов, проявляющихся в демонизации конкурирующих мы-самостей и сакрализации собственной мы-самости.

Важно также подчеркнуть, что экзистенциальное переживание я-самостью себя как неотъемлемой части социокультурной мы-самости усиливается, если индивид получает из социальной реальности свидетельства значимых преимуществ его социокультурной общности перед другими. В противном случае чувство идентичности со своим обществом и культурой ослабевает.

В процессе становления всякой групповой идентичности архетипический образ «Я и Мир» трансформируется в образ «Мы и Мир». Архетипические схемы этих образов структурно идентичны, отличие лишь в субъекте, противопоставленном одному и тому же объекту — Миру. В первом случае субъект — индивидуальная я-самость, во втором — коллективная мы-самость. Программу коллективного бессознательного, обеспечивающую эту трансформацию, мы назвали архетипом корпоративности.

Важнейшее требование архетипа корпоративности — согласование общих для группы интересов и ценностей, которые становятся приоритетными по отношению к частным интересам и ценностям. Также этот архетип индуцирует идентификацию как «своего» всякого, кто разделяет групповые ценности и нормы. Остальные люди маркируются как «чужаками». Ценностно-смысловое ядро корпорации содержит стандарты взаимодействия членов общности и со «своими», и с «чужими». При этом отношение к «чужим» заведомо следует «презумпции виновности». Фигура «чужака» всегда подозрительна. В самой радикальной форме — вплоть до восприятия «чужих» как нелюдей или недолюдей. Примером тому служит нацистская идеологическая модель. В том же ряду стоит печально известный пример Руанды. Во время конфликта в этой стране лидер правящей партии хуту открыто стал обозначать представителей меньшинства тутси тараканами [4]. Конечно, это метафора. Но человек действует не только в физическом мире как биологический организм, но также и в идеальном мире как производитель и потребитель символических образов. Символы же отсылают не только к материальным денотатам, но и вступают в теснейшие связи друг с другом. Установление и деятельное навязывание сознанию непосредственной ассоциации всякого представителя определенной социальной группы (в данном случае — этноса тутси) с классом насекомых-паразитов не просто аннулирует статус данного индивида как сородича по биологическому виду, но легитимирует соответствующие действия. Приравнивание именно к таракану приносит с собой богатый куст коннотаций, связанных с физиологическим отвращением и страхом, данными людям от рождения. Дж. Локвуд посвятил отдельный параграф (с ярким названием «Рожденный испуганным: жесткая эволюционная психология») данным эволюционной психологии о врожденных эмоциональных реакциях на насекомых [5]. Тут мы видим, что некоторые символические образы могут увязывать архетипические программы

с еще более глубоким пластом психики — инстинктами. Тем самым бессознательное воздействие на людей еще более усиливается, и еще сложнее становится попытка волевого соскакивания с колеи предзаданных архетипической схемой поведенческих реакций.

В случае архетипа корпоративности такое низведение «чужих» до уровня не только нелюдей, но бытовых насекомых-паразитов переводит первоначально внутривидовую агрессию в разряд межвидовой, купирова тем самым воздействие социального института морали, направленного как раз на сдерживание в человеке биологической основы. Контрагенты выводятся сначала за пределы социокультурного круга «своих», а затем и вовсе выталкиваются вовне, за круг «своих» сородичей по биологическому виду. Аналогии культурно оформляемых групп людей с замкнутыми биологическими видами (по крайней мере на символическом уровне коллективного сознания) проводил еще К. Лоренц [6, с. 55].

Многие даже менее радикальные примеры групповой идентичности соответствуют обозначенной схеме. Античность породила дихотомию цивилизованных (в их собственных глазах, конечно: римляне, эллины) народов, противостоящих варварским племенам. Античная концепция Ойкумены подразумевает распространение на весь известный древнему эллинскому или римскому гражданину мир требований о соответствии именно его цивилизационному стандарту. Такая нормативная экстраполяция рядом авторов названа «античной глобализацией» [7; 8; 9]. Распад Римской империи положил конец «античному глобализационному проекту».

Крупнейшие «глобализационные проекты» Средних веков — христианство и ислам. В них линией разделения на «своих» и «чужих» послужила религиозная идентичность, выраженная в принятии/непринятии сакрализованной системы догматов и императивов, предписанных всякому «правовверному». При этом по умолчанию принималось, что всякий разумный человек с необходимостью и по собственной воле примет «истинную веру». Любой же так не поступивший имеет испорченную природу, т. е. также может пониматься как «недочеловек». Впрочем, императивы христианской и мусульманской мы-самостей заметно потускнели на фоне расцветших в Новое время национальных идентичностей.

Кроме того, социокультурная общность может расколоться на несколько групп именно по различно понимаемым и принимаемым догматам. Тогда архетип корпоративности побуждает идентифицировать прежних единоверцев как «внутренних чужих» (еретиков/раскольников) и навешивать на них ярлык «врагов-предателей» со всеми вытекающими последствиями [10]. При этом агрессия в отношении таких «отступников» зачастую оказывается значительно интенсивнее, чем в отношении тех, кто был назначен «чужаками» изначально, в период становления общности.

Такое повышение градуса враждебности в отношении «еретиков» в дискурсе предлагаемой здесь модели архетипа корпоративности выглядит естественно, поскольку неприязни от изначальных «чужаков» не являются чем-то из ряда вон выходящим. Представители любой из «они-групп», противопоставленных «мы-группе» (воспользуемся хресто-

матийной дихотомией У. Г. Самнера «we-group» — «others-group» [11, р. 12]), уже по приписанной им роли «имеют право» причинять неприятности, так как «они» находятся во внешнем по отношению к «мы» космосе, который ожидается таит в себе угрозы и опасности, часто к тому же непредсказуемые. То есть действия «чужаков», даже откровенно враждебные, благоприятны для усиления внутрикорпоративной сплоченности: групповая мы-идентичность «своих» лишь усиливается в противостоянии грозному и враждебному Миру, часть которого составляют «они-группы». Для внутреннего порядка круга «своих» подобные попытки интервенций извне не воспринимаются как нарушающие социокультурный гомеостаз. Напротив, такие-же-как-я-самости, только плотнее, становятся плечом к плечу. Зло от «чужих» — это норма Космического Порядка. Но «еретики», разрушающие целостность сплоченного круга «своих», подрывают самые основания мы-идентичности — объединяющие членов общности смыслы и ценности. Тем самым они порождают Хаос там, где его не должно быть — внутри «мы-группы». Сложившиеся и признанные удачными (коллективно выработанные в культуре группы) варианты смыслового и ценностного наполнения архетипической схемы корпоративности ставятся «ересью» под сомнение. Тем самым нивелируются все предпринятые ранее сложнейшие усилия по согласованию, достижению коллективного консенсуса по поводу тех принципов, на которых выстраивается идентификационный код «своих».

В этом смысле «еретики» не только нарушают явные на сознательном и социальном уровне нормы (законы, ритуалы, традиции и т. п.), но и действуют против сверхзначимых для каждого члена мы-группы архетипических схем коллективного бессознательного. Ересь становится символом разрушения основы основ корпоративной общности — ее идентификационного кода. Поэтому агрессия по отношению к ним, вызванная очевидным нарушением сложившихся традиций и норм,кратно усиливается бессознательной фрустрацией и тревогой из-за поколебленных отношений с энергиями коллективного бессознательного.

Архетип корпоративности побуждает мы-самость воспринимать свои ценности и стандарты как априорно правильные, не подлежащие сомнению, а ценности и стандарты «они-самостей», отличающиеся от ее собственных, воспринимать как неприемлемые и заведомо ошибочные. Они-группы, разделяющие такие ценности и стандарты, представляются «чужими», стоящими на более низкой ступени развития «недолюдьми», поэтому моральная обязанность мы-группы — насаждать в таких «они-группах» свои «правильные» взгляды, а если «обратить их в свою веру» не получается — разрушать эти общности всеми доступными способами.

Представляется очевидным, что современный глобализационный проект, ориентированный преимущественно на ценности и стандарты социокультурной общности, именуемой западным миром, разворачивается именно «по лекалам» архетипа корпоративности. Все общности, не разделяющие так называемых либерально-демократических ценностей и отказывающиеся следовать в фарватере западного мира, в рамках этого проекта назначаются

«чужими» и подвергаются всем возможным воздействиям, от «мягкой силы» до ковровых бомбардировок. «Глобальная мы-самость» для утверждения себя пытается демонтировать все национальные социокультурные коды. Инструментами для этой цели выступают экономические, военные, политические, психологические и прочие рычаги воздействия на индивидов и их группы. Атаке подвергаются священные символы, ценности, мифологемы, стандарты взаимоотношений и т. д.

Но глобализационный проект для всего человечества неизбежно наталкивается на сопротивление национальных и этнических мы-самостей, каждая из которых, в свою очередь, также опирается на лежащую в коллективном бессознательном ту же программу корпоративности.

Кроме того, экзистенциальное конституирование глобальной мы-самости невозможно без выработки социокультурных идентификационных кодов, противопоставляющих ее другим мы-самостям. Из этого следует, что любой глобализационный проект внутренне противоречив: с одной стороны, глобальная общечеловеческая мы-самость — потенциально самая мощная; с другой стороны, глобализация экзистенциального единения всего человечества подразумевает, что все бывшие ранее «чужими» вводятся в круг «своих». Но потеря «чужих» влечет за собой и потерю координат противоположного полюса — «своих».

В данном контексте приобретает новое звучание концепция С. Хантингтона о столкновении цивилизаций [12], постулирующая неизбежность активного конфликтования цивилизаций, интерпретированных как очаги возникновения культурно-ценностных идентификационных кодов для больших социокультурных образований.

О внутренней противоречивости глобального космополитизма свидетельствует также всё более растущий интерес к аутентичности, собственным корням, местным идентичностям и т. д. Симптоматично, что в этот же тренд укладывается и такой интересный факт: провозгласивший после распада СССР «конец истории» и пришествие «последнего человека» [13] американский философ японского происхождения Ф. Фукуяма в заглавие последней своей книги вынес понятия идентичности, достоинства и политического ресентимента [14]. И здесь он обратил внимание именно на процессы сплочения больших человеческих сообществ в противостоянии растворению в глобализированной унификации. В тот же ряд симптомов сбоя глобализационного проекта можно поставить появление интересного термина «глокализация» [15]. Периодически напоминающее о себе движение антиглобалистов уже самим самоназванием укладывается в ту же папочку свидетельств.

Гипотетически преодолению идентификационных противоречий, порождаемых архетипом корпоративности, способствует обострение так называемых глобальных угроз — экономического неравенства, глобального потепления, демографических вызовов, истощения природных ресурсов, пандемий и тому подобных проблем. Все перечисленные вопросы не могут быть решены усилиями отдельных национальных мы-самостей. В таком проекте объединения всего человечества перед общими угрозами культурно-символического наполнения архетипической схемы «Мы

и Мир» под «Мы» («свои») подразумевается всё человечество, а «чужим» — враждебным и в пределе смертельно опасным субъектом — оказывается весь материальный мир. Заложенное в архетипической программе корпоративности требование противостояния с «чужим» модифицируется, но структурно реализуется.

В пользу обоснованности такой гипотезы свидетельствуют данные экспериментов группы социальных психологов под руководством М. Шерифа [16]. В них группы случайно перемешанных мальчиков сначала выработали конкурентно-враждебные установки по отношению друг к другу, но столкнувшись с общей проблемой, которую могли бы решить лишь совместными усилиями, смогли объединиться и примириться друг с другом.

Однако для имплементации данного проекта необходимо, чтобы идентификационное ценностно-смысловое наполнение архетипа корпоративности символическими средствами общечеловеческой мы-самости оказалось сильнее аналогичных символических наборов мелких групповых (этнических, политических и т. п.) самостей. Тогда может быть заблокирована «презумпция виновности» в отношении вошедших в человечество «мы-групп» в их взаимном восприятии.

Но как показывает опыт столкновения с коронавирусной пандемией, необходимо значительно более наглядная и фатальная угроза, чем неочевидное и даже поставленное многими отдельными индивидами под сомнение анонимное воздействие вируса. Влияние бесформенного, более того — невидимого агента не особенно хорошо схватывается глубинными схемами коллективного бессознательного. Для их адекватного наполнения успешнее работают более наглядные, пусть даже и грубые, архетипические образы. Социальное животное *homo sapiens* на протяжении тысячелетий филогенеза действовало в типических ситуациях, конкретно-феноменологически явленных в межличностных интеракциях. Всякий «чужак», как и «свой», символически представлялись индивидуальному сознанию в личностных, даже знакомых образах. Иллюстративная пропаганда в виде плакатов и карикатур наработала огромную эмпирическую базу примеров.

В качестве эффективного инструмента по борьбе с новой напастью на всё человечество оказалась востребована наука. Этот социальный институт, основанный на сознании и разуме, по своим главным принципам противостоит иррациональности бессознательного. Рациональный язык науки и присущее ей абстрактно-понятийное мышление со всеми его сложными и часто неоднозначно-вероятностными нюансами не считаются архетипическими программами коллективного бессознательного. К ним значительно ближе конкретно-образное, «детское» мышление, огрубляющее до «черно-белой» однозначности.

Заключение (Conclusions)

Сколько бы ни были разумными предпринятые правительствами и международными организациями меры, но в архетипических схемах они считаются как стимулы для сплочения «своих» против «чужих». Закрытие границ, конкуренция различных вакцин и прочие подобные действия

показали, что отдельные мы-самости склонны скорее рассматривать друг друга как противников в борьбе за ограниченные ресурсы, нежели объединяться в альянс в деле выработки общей стратегии по решению проблемы.

Во всяком случае, экзистенциальное объединение всех представителей вида *homo sapiens* в глобальную мы-самость вряд ли возможно, во-первых, без постижения механизмов влияния коллективного бессознательного на социокультурные феномены и процессы; во-вторых, без разработки рациональных технологий управления этими механизмами, позволяющих контролировать и целенаправленно изменять общественное сознание.

В этом контексте возникают вопросы:

– Правильно ли утверждать, что смысл любого глобализационного проекта заключается не столько в осуществлении, сколько в самом его существовании?

– Возможно ли вообще, и если да, то как именно, объединение человечества без деления на антагонистические фракции, которые архетипом корпоративности (точнее продуцируемом им делении на «своих» и «чужих») были бы обречены на взаимную вражду?

– Реализуем ли на практике проект единого космополитичного всечеловечества, управляемого «мировым правительством»?

Библиографический список

1. Юнг К. Г. AION. Исследование феноменологии самости. Киев : Ваклер, 1997. 336 с.
2. Грицков Ю. В., Львов Д. В. Архетипы внутригруппового единства // Вестн. Ом. гос. пед. ун-та. Гуманитар. исслед. 2015. № 3 (7). С. 17–20.
3. Франкл В. Человек в поисках смысла. М. : Прогресс, 1990. 368 с.
4. O'Grady S. Rwandan Who Called Tutsis 'Cockroaches' in 1992 Gets Life Sentence // Foreign Policy. 2016. April 15. URL: <https://foreignpolicy.com/2016/04/15/rwandan-who-called-tutsis-cockroaches-in-1992-gets-life-sentence/> (дата обращения: 24.06.2020).
5. Lockwood J. A. Born Scared: Hard-liner Evolutionary Psychology // Lockwood J. A. The Infested Mind: Why Humans Fear, Loathe, and Love Insects. New York : Oxford University Press, 2013. P. 22–24.
6. Лоренц К. Восемь смертных грехов цивилизованного человечества // Лоренц К. Так называемое зло. М. : Культурная революция, 2008. С. 9–86.
7. Артановский С. Н. Глобализация и де-глобализация // Вестн. СПбГУКИ. 2011. № 4. С. 6–14.
8. Мусатов А. А. Проблемы наследования и влияния культур в генезисе архитектурной формы. От Древнего мира к Античности // Architecture and Modern Information Technologies. 2011. № 3 (16). С. 1–20.
9. Трегубов М. В. Об источниках правообразования в римском частном праве // Вестн. юридического факультета Южно-федерального ун-та. 2020. № 2. С. 89–97.
10. Львов Д. В. Архетипическая составляющая организационной культуры : дис. ... канд. филос. наук. Красноярск, 2012. 145 с.
11. Sumner W. G. Folkways. Boston : The Athenæum Press, Ginn & Company, 1911. 692 p.
12. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М. : АСТ, 2003. 603 с.
13. Fukuyama F. The End of History and the Last Man. New York : The Free Press, 1992. 418 p.
14. Fukuyama F. Identity: The Demand for Dignity and the Politics of Resentment. New York : Farrar, Straus and Giroux, 2018. 240 p.
15. Robertson R. Globalization or Glocalization? // Globalization: Critical Concepts in Sociology In / eds R. Robertson, K. White. New York : Routledge, 2003. P. 31–51.
16. Intergroup Conflict and Cooperation: The Robbers Cave Experiment / M. Sherif, O. J. Harvey, B. J. White [et al.] // Classics in the History of Psychology. 2019. URL: <http://psychclassics.yorku.ca/Sherif/index.htm> (дата обращения: 14.07.2019).

References

- Artanovskii S. N. (2011) Globalizatsiya i de-globalizatsiya [Globalization and De-Globalization], *Vestnik SPbGUKI [Bulletin of Saint Petersburg State University of Culture]*, no. 4, pp. 6–14. (In Russian)
- Frankl V. (1990) *Chelovek v poiskakh smysla [Man's Search for Meaning]*. Moscow, Progress Publ., 368 p. (In Russian)
- Fukuyama F. (2018) *Identity: The Demand for Dignity and the Politics of Resentment*. New York, Farrar, Straus and Giroux Publ., 240 p. (in English)
- Fukuyama F. (1992) *The End of History and the Last Man*. New York, The Free Press, 418 p. (in English)
- Gritskov Yu. V., L'vov D. V. (2015) Arkhetipy vnutrigruppovogo edinstva [Archetypes of In-group Unity], *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya [Review of Omsk State Pedagogical University. Humanitarian Research]*, no. 3 (7), pp. 17–20. (In Russian)
- Huntington S. (2003) *Stolknovenie tsivilizatsii [The Clash of Civilizations]*. Moscow, AST Publ., 603 p. (In Russian)
- Lockwood J. A. (2013) Born Scared: Hard-liner Evolutionary Psychology, *Lockwood J. A. The Infested Mind: Why Humans Fear, Loathe, and Love Insects*. New York, Oxford University Press, pp. 22–24. (in English)
- Lorents K. (2008) Vosem' smertnykh grekhov tsivilizovannogo chelovechestva [Civilized Man's Eight Deadly Sins], *Lorents K. Tak nazyvaemoe zlo [The So-Called Evil]*. Moscow, Kul'turnaya Revolyutsiya Publ., pp. 9–86. (In Russian)
- L'vov D. V. (2012) *Arkhetipicheskaya sostavlyayushchaya organizatsionnoi kul'tury [The Archetypal Component of Organizational Culture]*, Cand. philos. sci. diss. Krasnoyarsk, 145 p. (In Russian)

Musatov A. A. (2011) Problemy nasledovaniya i vliyaniya kul'tur v genezise arkhitekturnoi formy. Ot Drevnego mira k Antichnosti [Problems of Inheritance and the Influence of Cultures in the Genesis of Architectural Form. From the Ancient World to Antiquity], *Architecture and Modern Information Technologies*, no. 3 (16), pp. 1–20. (In Russian)

O'Grady S. (2016) Rwandan Who Called Tutsis 'Cockroaches' in 1992 Gets Life Sentence, *Foreign Policy*, april 15. Available at: <https://foreignpolicy.com/2016/04/15/rwandan-who-called-tutsis-cockroaches-in-1992-gets-life-sentence/> (accessed: 24.06.2020). (in English)

Robertson R. (2003) Globalization or Glocalization? Robertson R., White K. (eds) *Globalization: Critical Concepts in Sociology In*. New York, Routledge Publ., pp. 31–51. (in English)

Sherif M., Harvey O. J., White B. J., Hood W. R., Sherif C. W. (2019) Intergroup Conflict and Cooperation: The Robbers Cave Experiment, *Classics in the History of Psychology*. Available at: <http://psychclassics.yorku.ca/Sherif/index.htm> (accessed: 14.07.2019). (in English)

Sumner W. G. (1911) *Folkways*. Boston, The Athenæum Press, Ginn & Company, 692 p. (in English)

Tregubov M. V. (2020) Ob istochnikakh pravoobrazovaniya v rimskom chastnom prave [About the Sources of Law in Roman Private Law], *Vestnik yuridicheskogo fakul'teta Yuzhnogo federal'nogo universiteta [Bulletin of the Law Faculty, SFEDU]*, no. 2, pp. 89–97. (In Russian)

Yung C. G. (1997) *AION. Issledovanie fenomenologii samosti [AION. A Study of the Phenomenology of the Self]**. Kiev, Vakler Publ., 336 p. (In Russian)

* Перевод названий источников выполнен автором статьи / Translated by author of the article.